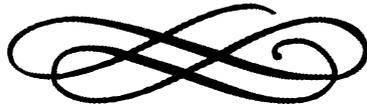
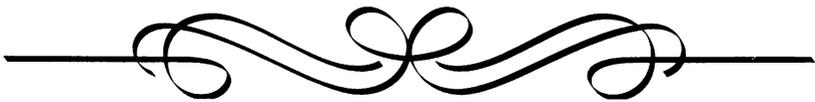

Глава X

*Царь Иван
и Андрей Курбский*

На протяжении 1563 года Иван как осознанно, так и, по-видимому, бессознательно занимался осмыслением новых подходов к теории и практике власти, осмыслением того, что было дозволено ему, и того, что он мог провести в жизнь. Для человека, обладавшего его необузданным темпераментом, одержимого властью, последние прожитые годы должны были казаться полными неудач. На каждом шагу ему мерещились измена и предательство, но при попытке искоренить их царь наткнулся на противодействие митрополита, церковного собора, бояр и старших дьяков.

В первой половине 1564 года участились казни всех предполагаемых противников и недовольных поведением Ивана. Например, князь Михаил Репнин-Оболенский, отличившийся при взятии Полоцка, был так неосторожен, что возмутился, глядя на Иваново «плясанье в масках» (ношение масок осуждалось церковью¹). Царь, однако, потребовал от него присоединиться и напялил маску ему на голову. Когда Репнин сорвал с себя маску и растоптал ее, царь пришел в бешенство, прогнал с пира и через несколько дней приказал убить его в церкви (или в подвале). Одновременно другой боярин, князь Юрий Кашин-Оболенский, был заколот во время службы*. В несколько иной версии этого события говорится,

---

* Согласно Курбскому, он шел на утреннюю молитву и был убит «на пороге церкви».

что Иван всегда ненавидел Оболенских за то, что один из них считался любовником его матери, великой княгини Елены, и он ополчился на Репнина-Оболенского из-за постоянных ссор последнего с Федором Басмановым, которого тот осуждал как царского возлюбленного. Говорили также, что Иван испытывал чувство ревности к обоим князьям, которые отличились при осаде Полоцка. Существует еще предположение, что Оболенские были казнены через четыре дня после того, как гонец привез известие о сокрушительном поражении, нанесенном литовцами крупному русскому отряду 26 января 1564 года на реке Уле. Иван мог подозревать, что Оболенские снабдили литовцев секретной информацией и тем самым способствовали разгрому русских. В этом сражении погиб один из лучших полководцев царя Петр Иванович Шуйский (что было серьезной утратой) и многие воеводы попали в плен².

Ивану нужно было найти козла отпущения за поражение и договориться о перемирии. Однако условия, предложенные им большому литовскому посольству, прибывшему в декабре 1563 года для заключения десятилетнего мира, — оставить русским Полоцк и все ливонские земли, завоеванные ими, — были теперь абсолютно неприемлемы для Литвы. Посольство выехало из Москвы за три недели до убийства двух князей. Третий Оболенский, Дмитрий Федорович Овчина, был брошен в застенки с приказом удавить его за ссору с Федором Басмановым и обвинение его в протivoестественной связи с царем³.

Было бы утомительно перечислять имена всех бояр и многих князей, которые подверглись теперь репрессиям при полном пренебрежении к существовавшим законным процедурам. Некоторые из жертв находились в близком или отдаленном родстве, кто-то был просто богат, например, князь Дмитрий Хилков (чьи земли были конфискованы Иваном) или два брата Шереметевы, Иван Большой и Никита, выдающиеся военачальники, члены древнего боярского рода. Последнего задушили, возможно, в отместку за поражение на Уле. Иван-старший, «*муж мугрый и сметливый*», был закован в тяжелые железные обручи и цепи и посажен в душный подвал, где его принуждали выдать Ивану место захоронения его сокровищ. Шереметев ответил, что они находятся там, куда Ивану не добраться, потому что он уже раздал их бедным. Вмешательство нового митрополита Афанасия способствовало освобождению пленника в марте 1564 года; его поручителями стали два с половиной десятка высокопоставленных бояр, окольничих и других

знатных людей, причем мелкие дворяне ручались своими головами и 10 000 рублей. Среди ходатаев не было князей, только бояре⁴. Позднее Шереметев постригся в Белозерском монастыре. Его земли перешли к царю, но крайней нужды боярин, по-видимому, не испытывал⁵.

В то время как Иван размышлял о будущем, эти же мысли занимали и одного из его главных полководцев, князя Андрея Михайловича Курбского. Курбский отличился не на административном или политическом поприще, а на поле битвы. Он был всего на два года старше Ивана и поэтому мог беседовать с ним, не внушая молодому царю священного трепета, как Сильвестр, кроме того, он, по-видимому, разделял политические и религиозные воззрения Ивана. Князь был довольно образованным человеком, читал и писал на русском и церковнославянском языках, а в зрелые годы как будто бы приобрел некоторые познания в латыни и греческом⁶. Он близко общался с Максимом Греком и многими другими церковными деятелями. В своих сочинениях обильно цитирует Библию и отцов церкви⁷ и выступает рьяным поборником православия. Один из его предков, князь Федор Ростиславич, был канонизирован в 1463 году, и Курбский гордился тем, что его семья происходит от сына Владимира Мономаха и поэтому древнее, чем род князей Московских⁸. Помимо всего прочего, существовала отдаленная связь между Курбским и кланом царицы Анастасии⁹.

В 1549 году Курбский получил придворный чин стольника (в то время так называли молодых людей, которые, в частности, должны были прислуживать на многолюдных государевых пирах); позднее он участвовал в казанских походах, причем его роль постоянно возрастала; в конце 1552 года он был серьезно ранен. Во время роковой болезни Ивана в 1553 году поведение Курбского не вызвало подозрений в сговоре с Владимиром Старицким¹⁰, и после выздоровления царя он вместе с Адашевым сопровождал его на богомолье в Троицкий и Кириллов монастыри, следовательно, был в милости у царя и входил в его ближайшее окружение¹¹. С сентября 1553 года Курбский снова деятельно занимался усмирением Казани, но с марта 1554 года, по-видимому, у него не было никаких поручений. Чин боярина ему был дан в 1556 году, когда князю исполнилось двадцать восемь лет и он вернулся на действительную службу, занимая важные должности при организации обороны от ожидаемого нападения татар, а затем, в 1557 году, был послан воевать в Ливонию. Новый перевод для отражения татарской опасности, на этот

раз в Калугу, состоялся в январе 1558 года, там он был назначен заместителем Шигаляя, возглавившего опустошительный рейд по Ливонии, после чего Иван лично посетил войско в августе 1559 года. Весной 1560 года Курбский был отослан в Дерпт в Ливонии, причем Иван писал ему: *«Принужден был, получив известие от моих воевод, либо самому идти против лифляндцев, либо тебя, моего любимого, послать, чтобы охрабрилось мое воинство»*¹².

Затем Курбский действовал в Великих Луках, служивших базой для похода на Полоцк, в котором он был заместителем командующего аррьергардом, но в дальнейшем, очевидно, подвергся упрекам Ивана как один из воевод, повинных в неудаче русского войска в битве при Невеле в августе 1562 года. В 1563 году князь был переведен в Дерпт в качестве коменданта города и оставался там более года, что было явной формой опалы.

В начале 1560-х годов Курбский с растущим негодованием следил за произволом, беззаконием и жестокостью, с которыми Иван преследовал бояр, служилую знать, а часто и простой народ из их сторонников¹³.

Многие сторонники Адашева, подвергавшиеся методичному уничтожению, были друзьями князя. До этого он посещал Псково-Печерский монастырь и даже одалживал у монахов деньги, так что поддерживал с некоторыми из них тесные отношения. Его точка зрения на происходящее в России высказана в письме к старцу этого монастыря Вассиану Муромцеву, написанном, вероятно, между декабрем 1563 года и апрелем 1564 года: *«Державные, призванные на власть от Бога поставлены, да судом праведным подвластных рассудят и в крепости и в милости державу управят, и грех ради наших вместо кротости свереписе зверей кровоядцев обретаются, яко ни от естества по добново пощадети попустишиа, неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умыслишиа. О нерадении же державы и кривизне суда и о несытстве граблении чюжих имении ни изрещи риторскими языки сея днешняя беды возможно»*¹⁴.

В другом письме* к Вассиану Курбский продолжает сетовать на неспособность церковников защитить народ от его правителя: *«Где ли лики пророк, обличающи неправедных царей? ... Где златословестию Ио-*

---

* Речь идет о том же письме.

анн, со зелным запрещением обличив царицу златолюбивую? ... Где ныне патриархов лики и боговидных святителей. Воистинну не заступающего ни помогающего несть...», и он обрушивается на представителей знати и монахов, которые ничего не делают для защиты христианского люда, а хотят «многими богатства подавлятися и безмерных имений ... властителем быти»¹⁵.

В более пространным описании Русского государства Курбский жалуется на плачевное состояние войска, испытывающего недостаток коней и оружия и нуждающегося в духовной пище; на то, что крестьяне вынуждены продавать своих детей в рабство, и на огромное бремя налогов, лежащее на купечестве и бедных, которые поступают так, как собирался поступить он сам, а именно «без вести бегуном ото отечества быть».

Сидя в Дерпте без денег, Курбский мог вступить в контакт с литовскими эмиссарами по их или по собственной инициативе и подготовить почву для своего выезда в Литву. Ему требовались средства, земли и положение, поэтому он попытался заранее оговорить условия с Сигизмундом. Российские и советские историки значительно расходятся в объяснениях причин, подтолкнувших Курбского к бегству, но почти все наперебой обвиняют его в предательстве и некоторые даже называют отступником, хотя таковым он не был. Точка зрения этих авторов сильно зависит от времени, когда они работали, и от степени патриотичности их взглядов. Курбский, конечно, изменил Ивану, хотя в шестнадцатом веке это понятие было несколько размытым и измена по отношению к одному человеку была уже совсем не тем, что измена своей стране.

Что же окончательно побудило Курбского принять решение в пользу свободы в определенный момент, неизвестно. Существует история о том, как в 1563 году Курбский узнал о намерениях Ивана подвергнуть его опале, а так как после своей многолетней службы он не перенес бы позорной казни, то спросил жену, что лучше: погибнуть или навсегда расстаться? Жена отвергла мысль о смерти, после чего он, горько плача, простился с ней и с сыном, и 30 апреля 1564 года перебрался через стену Дерптской цитадели, чтобы присоединиться к двенадцати дворянам, своим союзникам, которые бежали вместе с ним. Жену и девятилетнего сына он никогда больше не видел. Как и его мать, они попали в тюрьму и погибли в том же году¹⁶.

Это наводит на мысль, что решение о бегстве, если оно и готовилось заранее, было принято внезапно, и Курбский успешно проделал весь путь, не встретив препятствий, до находившейся в руках литовцев крепости Гельмет; следовательно, у него были пособники. Свои книги и другое имущество Курбский оставил в Дерпте, но вывез двенадцать сундуков разного добра на трех конях. Он еще раз попытался занять денег у иноков Псково-Печерского монастыря, но безуспешно.

Однако когда князь предстал перед ливонцами в Гельмете, у него в сумке было 300 польских золотых, 30 дукатов, 500 немецких талеров и 44 московских рубля — для того времени очень значительная сумма, большей частью в иностранной валюте, вероятно, полученной от Сигизмунда, а также сапфировый перстень с печатью¹⁷.

В свое время Курбский получил от Сигизмунда письма и охранную грамоту, но, как можно себе представить, к его возмущению и ужасу, они ему не помогли. По прибытии в Гельмет, принадлежавший ливонцам, он был задержан, золото было похищено и под стражей его препроводили в замок Эрмес. Здесь слуги ливонского дворянина отобрали у него лисью шапку и лошадей, так что обещанной помощи Курбский не получил, пока не приехал в Вольмар, находившийся в руках поляков и литовцев. В июле Сигизмунд наделил его землями в Литве и на Волини, а затем подарил Ковельский замок, которым ранее владела его мать Бона Сфорца.

Иван позднее обвинял Курбского в том, что он бежал *«из страха перед одним гневным словом царя»*^{*18}, но в письме к своим послам в Литве царь заявил, что он собирался наказать князя за измену и обвинил его в заговоре против царицы Анастасии и царских детей.

Наказанием за такие провинности была смерть, и, хотя позднее Иван опроверг свои высказывания и объяснил, что имел в виду лишь только лишить Курбского наград, постов и земель, Курбский с самого начала имел все основания предполагать наихудшее¹⁹.

Объяснение иного рода давал Иван, говоря, что Курбский, наверное, хотел взять на себя бремя царской вины и принести себя в жертву ради него, так же, как и царь нес на своих плечах вину русского народа, в том числе, разумеется, и Курбского.

Из Вольмара Курбский написал царю письмо, содержащее длинный перечень обвинений, изложенных никогда дотоле не употреблявшимся

---

* В русском тексте: *«единаго раги малаго слова гневна ... гушу ... погубил еси»* (с. 15).

при обращении к богоданному государю языком. В тексте, насчитывающем около 1500 слов* и предназначенном для декламации, Курбский в духе высокой риторики, проникнутой библейскими выражениями и образами, страстно осуждает царя за измену его долгу высочайшего защитника православной веры: *«Царю, богом препрославленному и среди православных всех светлее являвшемуся, ныне же — за грехи наши — ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных ... Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе богом для борьбы с врагами, различным казням предал?»*²⁰. Далее он упрекает царя в пролитии крови его бояр на порогах церквей, причинении неслыханных мук, притеснении и казнях своих слуг по ложным обвинениям в изменах и чародействе²¹. Курбский напоминает Ивану о своих заслугах перед ним:

«Кровь моя, которую я, словно воду, проливал за тебя, обличает тебя перед богом моим ... Полки твои водил, и выступал с ними, и никакого тебе бесчестия не принес, огни лишь победы пресветлые с помощью ангела господня одерживал для твоей же славы ... Но тебе, царь, до всего этого и дела нет. Ты только нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, и еще разоженные печи [одна из излюбленных Иваном форм пытки] являешь нам**». Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь?»

И Курбский обращается к Христу, который восседает на престоле херувимском одесную величайшего из высших, — судье «между мной и тобой».

Таким образом, Иван подвергся обвинению и был низведен до уровня обычного смертного, который предъявил ему список обид, нанесенных ему лично царем, возводившихся на него поклепов: *«Из земли божьей тобою без вины изгнан»*. Курбский обличает злоупотребление «ангельским образом», то есть монашеским одеянием, со стороны Ивана, «егда ся не некоторых разгневается, тогда силою во мнихи стришет их и со женами и с малыми детками и в вечное предает заточение, затворяюще их в монастырех твердых (в темных келиах), и чиняще святые места твердынями адскими, согласующе ему и потокающе треокаянные некоторые лукавые

* В русском тексте около 900 слов.

** Выделенная фраза находится во 2-й редакции послания.

мнихи»²². Иван, по собственным словам, окружен льстецами и обманщиками, которые подвигают его «на Афродитские дела» и более порочны, чем жрецы Кроноса*, и Курбский предостерегает Ивана: «Слышах от священных писаний, хотяща от диявола пущенна быти на род христианский губителя, от блуда зачатого, богоборного Антихриста»²³. Такой способ выражаться должен был привести Ивана в бешенство.

Письмо Курбского должно было быть передано царю лично его посланцем, Василием Шибановым, но тот был схвачен по дороге, в Дерпте, и привезен в Москву. Шибанов выказал большую личную преданность своему господину и не изменил ему; он лишь сообщил о месте, где Курбский спрятал некоторые бумаги, на деле предназначавшиеся для Ивана. Шибанов был подвергнут пыткам и в дальнейшем — мучительной казни²⁴.

Иван получил послание Курбского в мае 1564 года. Два следующих месяца он провел, посещая монастыри и земли, только что конфискованные у князя Старицкого. Но одновременно он, очевидно, обдумывал ответ Курбскому, который датирован 5 июля 1564 года и занимает семьдесят шесть печатных страниц** — «*твое широковещательное и многшумное послание*», как назвал его Курбский. Чтобы записать его гусиным пером, должно было потребоваться немало времени, следовательно, можно предположить, что Иван диктовал его с перерывами на протяжении предшествующих недель. При сочинении письма было также необходимо постоянно цитировать Ветхий и Новый Заветы и отцов церкви, откуда Иван сделал обширные заимствования, как и из Истории о разрушении Трои и многих других религиозных и светских произведений.

В этом примечательном документе, который явно предназначался для обнародования, Иван затрагивает все риторические струны. Он демонстрирует по очереди гордость, негодование, гнев, насмешливость, презрение, снисходительность, укоризну, великодушие; обращается к историческим параллелям из Библии, к деяниям олимпийских богов, к истории Западной и Восточной Римской империи. Его

---

*«Детми своими паче Кроновых жерцов действуют». Жрецы древнегреческого бога Кроноса (Хроноса), который пожирал своих детей, — возможно, намек на отца и сына Басмановых.

**Объем первого послания Грозного — чуть больше 1,5 печатного листа (около 35 машинописных страниц).

мысль блуждает, постоянно возвращаясь к одним и тем же событиям, которые в большей или меньшей степени вызывают его раздражение. Чтобы как-то упорядочить этот стихийный поток, лучше всего разбить письмо на несколько основных тематических компонентов, которые часто повторяются и при обращении к которым автор не соблюдает хронологической последовательности. В общем, Иван говорит о своем детстве, о своих отношениях с князем Курбским, о тирании Сильвестра и Адашева и о заговоре изменников-бояр с целью передачи власти Владимиру Старицкому и извести Анастасию. Он также обсуждает характер своей царской власти. Но начинается послание самыми страшными проклятиями в адрес Курбского, какие только царь может измыслить, что князь изменник, крестопреступник, нарушивший крестное целование (одно из тяжелейших обвинений на Руси, за которым следовало вероотступничество).

Страницы, посвященные детству Ивана, хранят уникальное свидетельство о его жизни в период с 1533 по 1547 год, как считается, глубоко повлиявший на характер будущего царя вследствие пренебрежительного отношения, от которого он страдал, и непочтительности, даже дерзости, с которой бояре обращались с ним, великим князем, особенно после смерти его матери в 1538 году²⁵.

К несчастью, историк не может принять эту версию в целом, поскольку ее автор, несомненно, не останавливался перед искажением фактов, выдумками, превратным истолкованием и прямой ложью. В самом деле, рассказ о детстве является наименее надежной частью послания, потому что его нельзя проверить по другим источникам²⁶.

Упреки, адресованные Курбскому, перемежаются длительными отступлениями, в которых поведение Курбского сравнивается с поступками тех или иных библейских и исторических персонажей, а также размышлениями о применении политической власти: *«Станем рассуждать, кто из нас горд: я ли, требующий повиновения от рабов, данных мне от бога, или вы, отвергающие мое владычество, установленное богом, и от своего бремени рабского отказывающиеся, требующие, словно господа, чтобы я исполнил вашу волю...?»*²⁷

«Господами» Иван называет, разумеется, Сильвестра и Алексея Адашева. *«Был в это время при нашем дворе собака Алексей Адашев, ваш начальник, еще в дни нашей юности, не пойму, каким образом возвысившийся из телохранителя, — пишет Иван, — мы же ... взяли его из навоза и сравняли*

его с вельможами, надеясь на верную его службу». Также и Сильвестр был избран для заботы о душевном попечении Ивана, но он «попрал свои священнические обеты и свой сан и право предстоять с ангелами у престола господня», хотя сперва как будто начал творить благо.

Но так как Иван «знал из божественного Писания, что погубает без раздумий повиноваться добрым наставникам», то он повиновался Сильвестру, ради совета его духовного, своей волей, но по неведению*.

Однако Сильвестр увлекся властью, как Илья-жрец²⁸. Этот «поп-невежда» сдружился с Алексеем Адашевым, и вместе они подчинили Ивана своей власти, советуясь втайне от него, «считая нас неразумными» и «отняв у нас блеск нашей власти»**.

Далее Иван обвиняет Сильвестра в том, что тот раздавал земли и села, незаконно пуская их на ветер, назначая своих сторонников на важные должности, даже отняв у царя право распределять места среди бояр²⁹:

«[Вы] взяли это дело в свое ведение и усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно ... всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все решения и установления принимали по своей воле... Так было и во внешних делах, и во внутренних, и даже в мельчайших и самых незначительных, вплоть до пищи и сна***, нам ни в чем не давали воли: все свершалось согласно их желанию, на нас же смотрели как на младенцев»³⁰.

Ненависть, которую Иван питает к Сильвестру, очевидна, как и его недоверие к безымянным боярам, особенно к «этой собаке» Адашеву. Именно Сильвестр устроил так, чтобы Иван оставался государем только на словах, а реальными правителями стали Курбский и священник. Но Бог поставил Моисея правителем, а священником — Аарона, и когда Аарон попытался править, он отвел людей от Бога. Затем наступило правление Иисуса Навина, и судьи господствовали вплоть до времени жреца Ильи, когда наступила катастрофа и Израиль был побежден.

---

* В современном русском переводе письма: «а не по неведению» (с. 79), в оригинале: «повиных в колебании и в невидении».

** Как уже отмечалось выше, в оригинале такой фразы нет, возможно, это перевод слов «нашу же власть с вас сымающе», или, ниже, «от прародителей наших данную нам власть отъяша от нас» (стр. 79).

*** В англ. тексте: «го обуви и сна» (shoes and sleeping).

«Не видишь разве, — пишет Иван, — что власть священника... с царской властью несовместима?»³¹ И как раз Сильвестр тайно поддержал план возведения на трон Владимира Старицкого. Наконец Адашев и Сильвестр «преследовали лютой ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали»³².

Затем, сменив тональность, Иван обвиняет Курбского в нарушении воинского долга, в преследовании корыстного интереса, в уклонении от боя и даже в дезертирстве. В упреках Ивана можно заметить признаки чувства вины за его собственную военную несостоятельность, о которой недвусмысленно упоминается также в письме Сильвестра князю Александру Горбатову-Шуйскому, написанному весной 1553 года, после того как Иван находился почти при смерти. В этом письме священник хвалит Горбатого-Шуйского за то, что он проявил больше смелости, чем Иван, при взятии Казани, когда последний *«показал, что он боится врага»*. В самом деле, перед первым штурмом, в котором Иван не принял участия, он очень долго молился³³. Иван также упоминает о «доброжелателях», названных Курбским, которые *«как пленника, посадив в судно, везли [его] с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю»*, где он мог легко лишиться жизни. Вероятно, это тот случай, о котором Иван вспоминает несколькими страницами ниже в этом же письме, когда русские запасы утонули во время шторма на Волге, и, по словам Ивана, Курбский предлагал вернуться домой всего через три дня³⁴.

Здесь снова любопытен оттенок фамильярности в отношениях Ивана и Курбского, свидетельствующий о том, что некогда они тесно общались. Речь идет, в частности, о негодовании царя по поводу обращения князя с Анастасией. Он делает неопределенное упоминание об *«одном лишь непогодбающем слове»*, по-видимому, сказанном царицей, которое *«уничтожило ее звание»** в глазах бояр и позволило им помешать ее участию в паломничествах, хотя они могли спасти ей жизнь. Имеется еще смутный намек на ссору между царем и воеводой, когда Курбский вместе с двумя другими боярами в ходе некоего спора из-за земель, затрагивавшего интересы Ивана и, возможно, его сына, выступил против царя. Во втором, более позднем послании к Курбскому,

---

* Этого выражения в русском тексте послания Ивана нет.

написанном в 1577 году, царь с горечью вспоминает об этом инциденте: «Как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея!» В самом деле, выглядит странно, что подданный выступает против своего всемогущего государя в вопросе, касающемся собственности.

Во втором письме, относящемся к 1577 году, Иван высказывает и другую обиду: Курбский, по-видимому, купил какие-то безделушки («всякие украшения») в подарок дочерям князя Курлятева, «а моим дочерям — проклято и за упокой. Много такого было*. Сколько мне было от вас бег — не исписать»³⁵. В другом месте** Иван утверждает, что если он и допустил «небольшой грех», то потому, что «...нет человека без греха, один бог безгрешен»; а если он отступал от церковных предписаний и устраивал «игры», то только делая со своей стороны снисхождение человеческим слабостям.

Неоднократно мы убеждаемся, что Иван был хорошо знаком с образом жизни и перемещениями Курбского в прошлом. Говоря в том же послании 1564 года о неприятии Курбским войны в Ливонии и о его явном нежелании ехать туда сражаться, Иван замечает, что ему пришлось посылать более семи гонцов за князем, который отправился воевать очень неохотно и «был тогда в нашей вотчине, во Пскове, ради собственных нужд, а не по нашему поручению». Курбский находился там, пытаясь одолжить денег у монахов Псково-Печерского монастыря. И как Сильвестр и Адашев, «и все вы» противились этой войне и предоставили ливонцам годовое перемирие, за время которого они подготовились к новой кампании³⁶.

Однако Иван подчеркивает, что он не причинил никакого вреда Сильвестру, как и его сыну, дяку Анфиму (что правда). Что до мирян, Иван наказал их соразмерно провинности каждого. Курбский же, по словам Ивана, нарушил клятву и ради наслаждений мира сего отрекся от православного христианства и своего государя, как Иуда, ради золота предавший Христа. Царь отрицает, что казни совершались в церквах; все измены, от которых он пострадал, стали известны всему миру и даже варварским народам, чему свидетели послы и купцы, приезжавшие на Русь. Согласно воззрениям Ивана, Курбскому следовало

---

* В английском переводе: «но доволью об этом».

** Речь идет о первом послании.

пожертвовать своей жизнью на службе царю и пойти на смерть вместе с семьей в силу данной им клятвы верности³⁷, только в этом случае его кончина была бы благочестивой.

Иван обвинил Курбского в подстрекательстве иноплеменников к нападению на него, что отчасти справедливо по отношению к Польше-Литве. Далее Иван проводит несколько необычное сравнение между «мучениками» Курбского и «предателями троянскими», Антенором и Энеем³⁸. *«Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют?»* С этими словами Иван переходит к своему главному политическому расхождению с Курбским, а именно, к своим притязаниям на безоговорочное и безусловное подчинение со стороны всех его подданных, в то время как Курбский *«восхваляет такой порядок, когда рабы властвуют помимо государя»*. *«Если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней. Что может быть хуже, чем урывать для самого себя! ... До сих пор русские властители [обладатели] ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем»³⁹*.

Иван нигде не говорит о том, что его *самодержавие* или суверенитет имеют недавнюю историю и отсчитываются с момента его венчания на царство⁴⁰. Во имя святой Троицы он прослеживает весь путь возникновения православного христианского царства на Руси по воле Провидения: *«И после того как ... божественные слуги слова божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства. Исполненное этого истинного православия самодержавство Российского царства началось по божьему изволению от великого царя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением»*.

Понятие «самодержавство» используется здесь для описания характера и происхождения богоданной власти, а не формы ее употребления⁴¹. Все государи милостью Божией очень хорошо представляют себе нравственные и физические пределы своих возможностей в проведении поставленных ими задач. На чем Иван категорически настаивает, это на том, что Россия является «суверенным» царством (автократией) уже с момента обращения Владимира в христианство, то есть с момента создания независимого государства, не подчиняющегося никому и управляемого царем, имеющим полную власть над подданными.

Кроме того, Иван является государем по рождению, он не завоевывал свое царство и не отнимал у кого бы то ни было, он унаследовал его, то есть был рожден для правления. (Он не считает Елизавету I Английскую *«государыней по рождению»*, поскольку она не унаследовала свою власть, а была возведена на трон английскими «сословиями», или, выражаясь словами Ивана, *«испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на королевство посадили тебя»*⁴².) Его собственная власть опирается на суждение св. Павла: *«Нет власти кроме как от бога: тот, кто противится власти, противится божьему повелению»*. Что до русских самодержцев, то они изначально сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи; в то время как Курбский готов одобрить только правление «известного ему попа». В этих утверждениях Ивана нет ничего, что отличало бы природу суверенной власти в России от власти современников Ивана Франциска I во Франции или Генриха VIII в Англии, хотя ее границы были шире: два последних должны были больше считаться с существующими учреждениями. Генрих VIII широко использовал свое право награждать собственных слуг и наказывать их (в том числе и смертью по своему усмотрению)⁴³. Но во всех этих монархиях возможность реализовать какое-то решение далеко не соответствовала степени осознания своего права сделать это. И даже право принятия решения могло ограничиваться моральными соображениями, поскольку царь отвечал за духовное благополучие своих подданных перед Богом, а действуя как тиран, он мог лишиться своего права на решение. Даже Иосиф Волоцкий подтверждает этот принцип⁴⁴, а византийский диакон Агапит высказал тезис о том, что милость и наказание должны присуждаться по законам Божиим. Хотя власть царя была неограниченной, ибо ограничивать ее было некому, сам царь должен был подчиняться закону.

Те же идеи содержатся в «Тайная тайных», зеркале государей ближневосточного происхождения, хорошо известном в Европе и переведенном на русский язык с древнееврейского. Изложение ведется от имени философа Аристотеля, который дает советы Александру Великому и среди прочего рекомендует ему отдавать предпочтение вечному перед временным и подчинить свое правление закону, потому что тогда он будет достойным правителем. *«А кто подчиняет закон своему царству, тот губит закон»*⁴⁵.

«Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?» – все время твердит Иван⁴⁶. Все еще преследуемый навязчивым авторитетом Сильвестра, Иван высказывается против поповского влияния: «И разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это совершеннейшая заповедь». Упоминая о междоусобных войнах между князьями на Руси в прошлом, он сокрушается: «Горе дому, которым управляет жена ... Разве ты не видишь, что власть многих погодно женскому неразумию? Если не будет единовластия, то даже если и будут люди крепки, и храбры, и разумны, но все равно уподобятся неразумным женщинам...»⁴⁷.

Но что означало самодержавство для Ивана после того, как он стал чувствовать себя на троне более комфортно? Стал ли он помышлять уже не об абсолютной власти, а о неограниченной власти, не только богоданной, но и богоравной? Формула «я волен миловать и волен казнить» была изобретена не им и явно отражала устойчивое мнение, выработанное и исповедовавшееся многими из русских удельных князей до него. Но Иван пошел дальше этого утверждения, вслед за своей психологической потребностью добиваться своего немедленно и не стеснять себя никакими преградами, моральными, духовными, физическими или словесными. Его право подвергать опале было безусловным и независимым от какой бы то ни было судебной процедуры. В отличие от Курбского, настаивающего на «свободной воле» и добровольности службы, Иван не верил в возможность свободы для человека, даже в раю. Разве Бог не запретил ему пробовать плод древа познания добра и зла?

Много было написано о природе русской абсолютной власти, начиная еще с тех пор, как императорский посол Сигизмунд фон Герберштейн произнес чеканную формулу: в России «воля государя – это воля Божья», а полномочия русского монарха в отношении его народа шире, чем в любой другой стране. Немец Герберштейн был весьма проницательным и осведомленным человеком, но его наблюдения нельзя воспринимать изолированно, без учета современной политической реальности и вероятной предвзятости его источников. Герберштейн, в частности, не любил Василия III. Большинство феодальных обществ переживает периоды усиления или ослабления королевской власти, сопровождающиеся большими или меньшими жестокостями, так что мнение Герберштейна следует сопоставлять с фактами, а не принимать как данность⁴⁸.

Более чем вероятно, что бегство Курбского пробудило в Иване желание прояснить для себя основания и пределы своей власти. Как он писал позднее, когда-де он, государь, *«бояр своих и всех приказных людей похочет которых их в винах понаказати и посмотрите и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дяки и со всеми приказными людьми, начали по них же государю царю и великому князю покрывати»*⁴⁹. Против царя устраивали заговоры, или по крайней мере он считал, что их устраивали⁵⁰, и в центре постоянно оказывался его двоюродный брат Владимир, которого он всегда, особенно после 1553 года, рассматривал как опасного претендента на трон, каковым тот на самом деле и был.

Право на наследование для старшего сына и его потомков лишь недавно утвердилось на Руси, как, впрочем, и во многих других европейских странах⁵¹.

Пытаясь обеспечить трон маленькому Дмитрию в 1553 году, Иван должен был вспоминать о том, что сам он взошел на престол благодаря успешным действиям своего отца. Будучи младшим сыном, тот сумел утвердить принцип наследования по боковой линии, а именно, отстоять свое первенство перед племянником Дмитрием, который происходил от старшего сына, Ивана Молодого, и кроме того, был уже венчан и помазан как великий князь.

Действительно ли князья и бояре замыслили свергнуть Ивана и заменить его Владимиром Старицким, что неизбежно означало бы для Ивана смерть, установить при нынешнем уровне наших знаний почти невозможно, хотя на этот счет ходило много слухов, а особенно склонной к устройству заговоров в пользу сына считалась мать Владимира, княгиня Ефросинья. Любой обиженный боярин или слуга мог донести на своего соперника как на сторонника Владимира Старицкого, и его доносу давался ход; Иван не усомнился бы и в том, что литовский король Сигизмунд Август и его дворяне готовы поддержать Владимира. На тронной речи, произнесенной перед польским сеймом в 1563 году, присутствующим сообщалось: король *«надеется на то, что, если бы только войско его королевской милости показалось на Москве [то есть на русской территории. — Б. Флоря.], много бояр московских, много благородных воевод, притесненных тиранством этого изверга, добровольно будут приставать к его королевской милости и переходить в его подданство со всеми своими владениями»*⁵². В летописях также часто

встречаются намеки на то, что Иван рассматривал некоторых татарских царевичей (особенно потомков казанского царя Петра, зятя Василия III) как возможных претендентов на трон⁵³.

Попытки Ивана обеспечить себе полноту власти наталкивались еще на одну глубоко укоренившуюся в России традицию, память о которой была жива в основном среди литовских Гедиминовичей и Рюриковичей (о чем упоминается и в вышеназванной тронной речи) и отчасти среди слуг русского царя более низкого ранга: право на выезд, которым воспользовался Курбский, хотя он и подчеркивал, что сделал это для спасения своей жизни. Достаточно взглянуть на список князей, которые перебрались на Русь из Литвы и затем вернулись обратно или попытались это сделать. Патрикеевы выехали из Литвы в пятнадцатом веке и образовали в России обширный клан⁵⁴, отдельные представители которого бежали или пытались бежать в Литву. Михаил Львович Глинский, дядя царицы Елены, переехал в Россию, но затем, недовольный здешним обхождением, хотел вернуться в Литву, за что и поплатился. Князь Дмитрий Вишневецкий также переходил с одной стороны на другую, как и князья Бельские, и многие другие, чьи имена не сохранились⁵⁵. Позднее тем не менее увеличилось число выездов представителей низших слоев служилой знати, многие из которых даже пополнили ряды федеративных ратей, разумеется, к неудовольствию царя⁵⁶.

Принцип семейной или групповой ответственности за выполнение целого ряда функций, будь то поддержание правопорядка, расследование и наказание за преступления или сбор и уплата налогов, являлся общим для многих европейских феодальных обществ и, возможно, был укоренен в древнегерманском праве⁵⁷. По мере превращения вотчинной системы в государственные учреждения и королевских слуг в чиновников этот принцип постепенно устаревал. Однако семейная порука на Западе, за малыми исключениями, быстрее сдавала свои позиции, чем в России, по мере того как административные функции переходили в руки королевских слуг на жалованье. Период монгольского владычества помешал естественному развитию России в этой и во многих других областях, так что круговая порука сохранялась еще очень долго. Только при Екатерине II был отменен обычай конфискации короной семейной собственности за преступление отца. В правление Ивана круговая порука была неотъемлемой частью системы управления страной. Именно благодаря круговой поруке границы были на замке, и о каждом, кто

пытался бежать, немедленно узнавали власти. Привычка к доносительству распространилась во всех слоях общества. Всякий был понуждаем заявить о чьей-то предполагаемой измене или неблагонадежности и даже нерадивости по той простой причине, что в противном случае сам подвергнется наказанию. Принцип круговой поруки выражался также в подписании коллективных гарантий, удерживавших бояр от бегства. При Иване принцип коллективной *политической* ответственности служил обоснованием для казней жен, детей, слуг и крестьян тех, кто попал в немилость. Гонения коснулись всех сословий⁵⁸. Возрастающее бремя ответственности, в орбиту которой попадало все больше и больше людей, вызывало открытое возмущение аристократии и служилой знати и усиливало всеобщее недовольство.

В свою очередь Иван в своем противостоянии со знатью чувствовал, что увязает в паутине, сплетенной крамольными боярами, которые были связаны друг с другом благодаря бесчисленным брачным союзам, и еще сильнее вследствие созданной им самим системы коллективного поручительства. Самые влиятельные царедворцы были вынуждены выкладывать крупные суммы денег, и это заставляло их сплачиваться, чтобы не потерпеть крах, а также сосредоточивать вокруг себя множество служилой знати. Вопрос заключался в том, *quis custodiet ipsos custodes**. Иван рассчитывал, что низшие военные чины помешают князьям и боярам устраивать заговоры против него, но те хорошо осознавали, чем грозят доносы на их господ, — разорением их самих и их семей. Подозрительная натура Ивана заставляла его думать, что сам факт участия придворных в предоставлении залога и поручительства за тех людей, которые лишились его доверия и милости, является доказательством тайной измены гарантов. Практика выдачи финансовых гарантий благонадежности была палкой о двух концах. Она обеспечивала верность царю, но затрудняла возможность индивидуального наказания за проступок, не затрагивающего всего рода в целом.

Трудности множились еще в силу того, что наиболее влиятельные придворные в эпоху Ивана рекрутировались из относительно небольшого числа многолюдных княжеских семейных кланов — среди них было 120 князей Ярославских, 69 Оболенских, 29 Белозерских, 25 Ростовских, 28 Стародубских, и можно было предположить, что в извес-

---

* Кто будет сторожить самих сторожей (лат.).

тной степени они будут стоять друг за друга. Среди нетитулованного боярства насчитывалось несколько крупных кланов, которые могли бы выступать единым фронтом. Брачные узы, связывавшие царскую фамилию с княжескими и боярскими династиями, княжеские и боярские роды внутри этих сословных групп и между ними еще более запутывали ситуацию. Иван столкнулся с тем, что не может потребовать выплаты залога за провинившегося вельможу, поскольку это привело бы к разорению множества других. В то же время царь явно ощущал себя окруженным густой сетью связей между боярами, придворными, священниками и чиновниками. Поручных записей такого рода сохранилось немного, но их количество было значительным. Имеются сведения как минимум о двенадцати представителях княжеских и боярских фамилий, которые бежали за границу. По десяти известным и опубликованным поручным записям русский историк Веселовский подсчитал, что около 950 человек предоставили деньги и гарантии в обеспечение верности других лиц, из них 117 человек — дважды, шестнадцать — трижды и семеро — четырежды⁵⁹.

Следует заметить, что такого рода мероприятия в отношении знати не были отличительной чертой России. Взимание поручительств и обязательств, «устрашающая система отсроченных наказаний» широко практиковались в Англии во времена Генриха VII. Из 62 пэрских семейств 46 в его царствование находились под угрозой денежных взысканий, в том числе маркиз Дорсет, герцог Нортумберленд и лорд Маунтджой⁶⁰.

В этот период бежал не только Курбский. Одним из удачливых беглецов был командир стрельцов, выходец из незнатной семьи Т.И. Тетерин-Пухов, который сделал блестящую воинскую карьеру, но после падения Адашева попал в немилость, был насильно пострижен в монахи и заключен в монастырь, откуда и бежал в Литву около 1564 года. Из-за границы он прислал оскорбительное письмо новому наместнику в Дерпте, боярину Михаилу Яковлевичу Морозову, где высмеивал его за то, что тот сидит без денег в русской крепости, в то время как его жена и дети остаются у царя в заложниках.

В послании к Тетерину, написанном в сентябре 1577 года, «в убежище твоего государя князя Андрея Курбского, в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Вольмере», Иван, который никогда ничего не забывал и не прощал, высмеивает этого героя-изменника за то, что он «ныне за Двину в Литву побежал, а ни в какой башне не удержался»⁶¹.

Конечно, нарушивший обет монах куда более опасный преступник, чем даже государственный изменник, как признает сам Иван в письме к Курбскому, где он хвалит тех, кто подвергся насильственному постригу, но предпочел остаться в иноческом образе⁶². Скрынников проводит разительную параллель с более поздними временами, говоря о том, что в 1560-е годы поток переселенцев из Литвы изменил направление, и уже русские бежали в Литву, где образовали настоящую «эмиграцию», впервые за многие годы выступившую против царя в защиту своих мнений и интересов⁶³.